

1

Сижу у себя в кабинете, аренда закончилась, Маккелви начинает выселение. Солнце печет не по-детски, а кондиционер сломан. По столешнице муха ползет. Потянулся и прихлопнул ладонью, вывел из игры. Вытер руку о штанину, и тут — телефонный звонок.

Я взял трубку.

— Да, слушаю.

— Селина читали? — спросила женщина.

Очень сексуальный голос. А я уже какое-то время один, ну, несколько лет наверно.

— Селина, м-м-м... — промычал я.

— Мне нужен Селин, очень нужен.

Такой голос, — это что-то! Надо признаться, меня цепляло.

— Селин? Расскажите о нем что-нибудь. Поговорите со мной еще немного.

— Штаны застегните.

Я глянул вниз.

— Как это вы узнали?

— Неважно. Мне нужен Селин.

— Селин умер.

— А вот и нет. И я хочу, чтобы вы его нашли.

Он мне нужен.

— Ну, его кости я бы может и смог найти.

— Да он жив, дурак.

— Да? И где он живет?

— В Голливуде. Я слышала, он там ошивается у книжного магазина Реда Колдовски.

— Почему бы вам самой его не отыскать?

— Сначала мне нужно знать, действительно ли это Селин. И знать нужно точно, на сто процентов.

— Но зачем вам для этого именно я? В городе других детективов мало?

— Бартон рекомендовал вас.

— А, Бартон, ну да. Слушайте, короче, мне нужен какой-никакой аванс. И неплохо бы побеседовать лично.

— Буду минут через десять.

Она повесила трубку, я застегнул ширинку.

И стал ждать.

2

Она вошла.

В общем, это, так нечестно. Платье облегалo ее так, что чуть по швам не расходилось. Любит она шоколадки, не иначе. А высоченные каблукИ больше напоминали ходули. Она переступала на них, как пьяный инвалид, раскачиваясь туда-сюда по кабинету. Восхитительная роскошь плоти, аж голова кружится.

— Садитесь, леди, — пригласил я.

Она села, положив ногу на ногу, так высоко, что чуть мне глаз не выбила.

— Рад вас видеть.

— Хватит пялиться, чего вы тут еще не видели.

— Такого не видел. Назовите свое имя, пожалуйста.

— Леди Смерть.

— «Леди Смерть»? Вы из цирка что ли? Или в кино снимаетесь?

— Нет.

— Место рождения?

— Это неважно.

— Год рождения?

— Бросьте эти шуточки...

— Я пытаюсь всего лишь узнать что-то о вас.

Я как-то растерялся и стал шарить глазами по ее ногам. Ножки — моя слабость. Это ведь первое, что я увидел, появившись на свет. Но тогда я пытался выбраться наружу, так что с тех пор стремлюсь только в обратном направлении. Успехи так себе.

Раздался щелчок пальцами.

— Эй, хорош!

— А? — я поднял глаза.

— Селин. Не забыли?

— Помню.

Я распрямил пальцами скрепку и кончик направил на нее.

— Без чека за услуги не обойтись.

— Ну разумеется, — улыбнулась она, — сколько с меня?

— Шесть долларов в час.

Достав чековую книжку, гостя расписалась, вырвала листок и бросила мне. Листок приземлился на стол. Я взял посмотреть: «\$240». Таких денег я не видел с восемьдесят восьмого года, когда выиграл в экспресс-лотерею в Голливудском парке.

— Благодарю вас, Леди...

— ...Смерть.

— Да. Так, теперь просветите меня немного про этого Селина. Вы что-то про книжный говорили?

— Ну, да, он появлялся в магазине Реда. Что-то искал, спрашивал Фолкнера, Карсон Маккаллерс, Чарльза Мэнсона.

— Значит, в книжном отсвечивает. Так...

— Да. Вы знаете Реда, он не любит, когда кто-то у него задерживается. Ты можешь потратить там тысячу баксов, но стоит только помедлить пару минут, как он прицепится: «Не пора ли вам уже убраться отсюда?» Ред вообще ничего парень, но чудик. В общем, Селина он снова и снова выпроваживает, а тот идет в бар Мюссо и торчит там у стойки с грустным видом. Но завтра или послезавтра он приходит опять и все повторяется.

— Селин умер. На день позже Хемингуэя, тридцать два года назад.

— Я слышала про Хемингуэя. Он у меня.

— Вы уверены, что это он?

— О, да.

— Тогда почему вы не уверены, что данный Селин именно тот, который нужен?

— Не знаю. У меня с ним какой-то ступор. И раньше такого никогда не было. Может быть,

я слишком долго играла в эту игру. А потом Бартон вас хвалит, и вот я здесь.

— И вы думаете, что настоящий Селин жив? Он нужен вам?

— Нужен позарез, мальчик мой...

— Билейн. Ник Билейн.

— Хорошо, Билейн. Но я хочу быть уверена. Это должен быть настоящий Селин, а не какой-то хрен с горы. А то их таких много.

— А то я не знаю.

— Ну вот и займитесь этим. Мне нужен величайший писатель Франции. Я слишком долго ждала.

После этого она встала и вышла. В жизни не видел такой классной задницы. Это выше любого понимания. Выше всего. А теперь оставьте меня, я хочу подумать о ней.

3

Настало завтра.

Я отменил свое выступление в Торговой палате в Палм-Спрингсе.

Шел дождь, сверху капало. Дождь просачивался через потолок и раздавалось — кап, кап,

кап, кап, еще кап, еще кап, кап, кап, еще и еще кап, кап-кап...

Саке меня, конечно, согревало. Но тепло ли мне было? Ни так, ни сяк, наверно. Мне пятьдесят пять, а даже нечего подставить под протечку. Говорил мне отец, что под старость буду страдать фигней на чужом заднем дворе в каком-нибудь Арканзасе. Времени достичь этого у меня еще достаточно, а автобусы туда, если что, ходят каждый день. Но от автобусов у меня запор начинается, и вечно в них дрыхнет и храпит какой-нибудь старикан с невымытой бородой. Пожалуй, заняться Селином будет поинтереснее.

Что ж, был ли Селин и вправду Селин? Я и про себя-то иногда не мог точно сказать, кто я такой. Ну ладно, я Никки Билейн. Но это не точно. Если кто-нибудь крикнет: «Эй, Гарри! Гарри Мартелл!», — я, скорее всего, отзовусь: «Да, чего?» В смысле, я мог быть кем угодно, какая разница? Так ли важно, как меня зовут? В чем вообще смысл имени?

Странная штука жизнь, верно? В команде по бейсболу меня всегда ставили последним. Знали, крысы, что я этот мяч могу к черту в Денвер зафигачить. Завидовали.

У меня был талант. И сейчас есть! Иногда, глядя на свои руки, я думал, что мог стать великим пианистом или еще кем-нибудь. Но что я в итоге делал этими руками? Чесал яйца, выписывал чеки, завязывал шнурки, спускал унитаз и т. д. и т. п. Пропали эти руки, короче говоря. И голова тоже не пригодилась.

Дождь шел, я сидел.

Зазвонил телефон. Я протер его просроченным счетом из налоговой и взял трубку.

— Ник Билейн слушает.

Или это Гарри Мартелл слушает?

— Беспокоит Джон Бартон, — заговорили на том конце.

— Да-да. Вы рекомендовали меня, большое спасибо.

— Я наблюдаю за вами, у вас определенно есть талант. Неограниченный, но это скорее плюс.

— Рад слышать. Дела неважно идут.

— Я наблюдаю за вами. У вас все получится, еще немного терпения.

— Хорошо. Чем могу быть полезен, господин Бартон?

— Мне нужно отыскать Красного Воробья.

— «Красного Воробья»? А это что за чудо в перьях?

— Да вот есть такой, и я хочу найти его. Надо, чтобы именно вы занялись этим.

— А есть какие-нибудь примерные ориентиры?

— Нет, но я уверен, что он где-то существует, точно.

— А этого Воробья зовут как-нибудь?

— Не понял.

— Имя у него есть? Типа Генри или Абнер. Или там Селин...

— Нет, это просто Красный Воробей, и я точно знаю, что вы его найдете. Я в вас верю.

— Но это будет кое-чего стоить, господин Бартон.

— Если вы найдете его, я стану вам выплачивать сто долларов в месяц пожизненно.

— Хм... А всю сумму разом нельзя получить?

— Нет, Ник, вы ее тут же спустите на скачках.

— Ладно, господин Бартон, оставьте мне ваш номер и я займусь этим.

Бартон продиктовал номер и добавил:

— Я искренне верю в вас, Билейн.

И повесил трубку.

Что ж, дела налаживаются. Но с потолка льет как никогда. Я стряхнул с себя дождевые капли, глотнул саке, скрутил сигарету, зажег ее, заты-

нулся, раскашлялся. Надел коричневый котелок и включил автоответчик. Медленно направился к двери, открыл, а там стоит Маккелви. Широкая грудь, а плечи такие, словно там от души поролоном набито.

— Аренда окончена, засранец, — выпалил он. — Чтобы твоей задницы тут больше не было.

Тут я посмотрел на его живот, похожий на гору дерьма. Недолго думая, я втопил туда свой кулак. А лицо гостя в это же мгновение встретилось с моим коленом. Маккелви упал и скорчился на боку. Неприглядное зрелище. Я приблизился, вытащил его бумажник. Там оказались фотографии детей в откровенных позах.

А не грохнуть ли его? Но вместо этого я лишь взял карту «Золотая виза», пнул его разок по заднице и вызвал лифт.

Решил пройтись до магазина Реда. Сяду за руль — опять где-нибудь не там припаркуюсь, а разбрасываться деньгами на штрафы я себе позволить не могу.

Всю дорогу до книжного меня одолевали мрачные мысли. Человек рождается, чтобы умереть. Что это значит? Это значит болтаться без толку и все время чего-то ждать. Ждать какого-нибудь автобуса. Ждать летней ночью в номере

вегасского отеля, когда же явится пара больших буферов. Ждать, когда рак на горе свистнет. Ждать, когда жареный петух клюнет. И опять без толку болтаться.

Ред был на месте.

— Тебе повезло, только что свалил этот пьяница Чинаски. Болтал тут про свои марки.

— Да ладно, пес с ним. У тебя есть экземпляр «Когда я умирала» Фолкнера с автографом?

— А то!

— Сколько стоит?

— Две восемьсот.

— Подумаю.

— Минутку, — сказал Ред и повернулся к парню, который листал большим пальцем первое издание «Домой возврата нет».

— Эй, положи книгу на место и проваливай!

Парень был на вид хиловатый и очень сутулый, в желтом дождевике.

Он поставил книгу на полку и прошел мимо нас к выходу, а на глаза слезы наворачивались. Дождь перестал. Дождевик уже ни к чему.

Ред посмотрел на меня.

— Ты только подумай, вот такие, как он, заходят сюда с мороженым!

— Я могу и не такое представить.